

Александра Гарт. Без названия
Графит, уголь, масляная пастель, спрей. 150 x 205 см. Фрагмент. 2021

ПРОЛОГ

Алексей Юрчак

Исчезнувший горизонт

О ТЕМПОРАЛЬНОСТИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_29

Alexei Yurchak

The Vanished Horizon: On the Temporality of the Present

Текст, задающий тему этого номера, исходит из предпосылки, что моменты исторического разлома порождают множество конкурирующих сценариев будущего — эсхатологических, мифологических, эволюционных, революционных, — которые сталкиваются, сосуществуют и борются за доминирование. Это продуктивная рамка, схватывающая нечто существенное в периодах глубокой неопределенности, от распада общих координат времени до столкновения несовместимых темпоральных логик. Однако настоящая статья отталкивается от иного и в некотором отношении более базового вопроса. Прежде чем разобратся в том, какие сценарии будущего вступают в конфликт и какой из них одержит верх, стоит задаться вопросом: а способен ли какой-либо сценарий будущего сегодня выступать в роли общего ориентира? Само возникновение множества конкурирующих образов будущего можно рассматривать как симптом глубокой эрозии темпорального режима, в рамках которого образы будущего могли бы ориентировать коллективную жизнь, а не просто конкурировать между собой. Чтобы понять причины этой эрозии и каковы условия для ее преодоления, настоящее эссе использует несколько неожиданный подход, рассматривая темпоральность текущего момента через призму темпоральности позднего социализма и его неожиданного конца.

Поздний социализм и горизонт будущего

В период позднего социализма — примерно с середины 1960-х до середины 1980-х — темпоральный режим советской жизни был организован вокруг единого образа будущего, выраженного в краткой формуле тех лет: «наша цель — коммунизм». К 1970-м годам эта формула перестала восприниматься большинством советских людей буквально. Коммунистическое будущее не исчезло из советской жизни — напротив, оно присутствовало в ней повсеместно, — но оно перестало быть целью, на которую следует ориентироваться экзистенциально и интеллектуально. То есть изменился модус будущего: из объекта устремлений оно превратилось в фоновую структуру, организующую повседневность, — в то, что можно назвать *горизонтом будущего*. Этот сдвиг имел непредвиденные последствия: он переключил внимание человека на настоя-

щее, раскрыв повседневность для активного обживания и появления в ней множества новых форм жизни, которые государство не могло полностью распознать и контролировать, — от дружеских сообществ и неофициальных публик до эстетических и интеллектуальных экспериментов и повсеместной иронической культуры¹.

Чтобы понять этот процесс, необходимо уточнить, что такое «горизонт будущего». Горизонт — это не описание будущего, не модель того, каким оно должно быть, и не набор идеологических утверждений о нем. Горизонт существует не в головах людей, а как фон, организующий социальный мир, — фон, образованный условиями, встроенными в институты, практики и материальную организацию повседневной жизни. Например, когда государство гарантирует пенсионное обеспечение, оно вводит определенный темпоральный принцип в организацию повседневной жизни: человек работает сегодня, зная, что его будущее обеспечено, не потому, что он верит в какую-то идею, а потому, что институт существует и работает. Когда правовая система защищает долгосрочные обязательства — договоры, права собственности, социальные гарантии, — она структурирует время, позволяя планировать на годы вперед. Горизонт создается и поддерживается именно такими институтами и материальными структурами — независимо от того, думают ли о нем те, кто живет внутри этих структур.

Таким образом, горизонт будущего работает как темпоральный фон, не требуя осознанного принятия или веры. Люди могут относиться к официальным институтам иронически, игнорировать их или даже отвергать — и все равно существовать внутри горизонта будущего, который эти институты создают. Человек позднего социализма не думал о коммунизме, но при этом жил в мире, где доступ к медицине, жилью и образованию был гарантирован. Именно это, а не идеологическая вера, и составляло его темпоральный горизонт. Это не означает, что позднесоветское общество было свободным в либеральном смысле слова или что государственный контроль ослаб. Напротив, горизонт будущего существовал наряду с жесткой цензурой, ограничениями и неравным распределением власти. Различные формы повседневной жизни, которые государство не могло полностью контролировать, складывались внутри этих ограничений, а не за их пределами.

Вместе с тем поздний социализм нельзя свести к системе подавления и пустой идеологии. Структуры коллективной жизни — не только институты здравоохранения, жилья, образования, но и ощущение ответственности перед будущими поколениями — были не пустыми идеологическими лозунгами, а повседневной материальной реальностью. Они воспринимались как естественные и нормальные элементы общественного устройства, а не как достижения политической борьбы, требующие постоянной защиты, — как это обычно происходит в либеральных рыночных демократиях. Подлинная значимость этого измерения советской жизни в полной мере обнаружила себя лишь постфактум — когда в результате преобразований 1990-х годов многое из этих элементов общественного блага было утрачено.

1 Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014; Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Застой и бесконечность

Темпоральный режим позднего социализма отличался еще одной структурной особенностью, которая во многом определяла его характер. В основе этого режима лежал парадокс: время в нем ощущалось одновременно как застывшее и как бесконечное. Сегодня для описания того периода часто используют термин «застой»². Однако этот термин схватывает лишь одну сторону темпорального опыта тех лет — замедление времени, выраженное в повторяемости ритуалов, предсказуемости официального языка, устойчивости институциональных структур, инертности плановой экономики. Другая, не менее важная черта темпорального опыта остается за кадром: ощущение, что настоящее никогда не кончится, что оно бесконечно. Эти две черты темпоральности — *застой* и *бесконечность* — были структурно неотделимы. Система казалась одновременно неподвижной и не имеющей конца³.

Это сочетание объясняет, почему обвал советской системы был попросту немислим — не только для обычных граждан, но и для государственного руководства, и для западных аналитиков. Именно ощущение бесконечности системы позволило Горбачёву начать реформы перестройки, направленные на ее обновление, а не демонтаж. Он был не меньше других застигнут врасплох скоростью и масштабом распада, который эти реформы невольно спровоцировали. Западные советологи оказались в такой же ситуации. Историк Дональд Келли писал от имени всей профессии: «Как это могло случиться? Что мы упустили?» А Мартин Малиа заметил, что, несмотря на огромный массив исследований, анализировавших каждый аспект советской системы, исследователи не смогли распознать ее самый важный аспект — то, что она способна внезапно рухнуть⁴.

Исторический перелом второго типа

Это наблюдение позволяет провести различие между двумя типами исторических переломов. Переломы первого типа предсказуемы: их ожидают, о них спорят, за них сражаются, у них есть конкурирующие сценарии. Их можно представить заранее, даже если их исход не определен. Переломы второго типа невозможно предсказать, поскольку они возникают за пределами того, что поддается осмыслению в данный исторический момент. Концептуальная рам-

-
- 2 Термин «застой» распространился в период перестройки как ретроспективная критическая оценка, сформулированная вне того периода и темпорального опыта, который он называл. Он схватывает одну сторону темпорального опыта позднего социализма, но не замечает другой. Впервые термин был употреблен в форме прилагательного — «застойные явления» — Горбачёвым на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 года. В качестве устойчивого существительного — период застоя или просто застой — он вошел в публичную речь и СМИ лишь около 1988 года, уже после окончания описываемого периода.
 - 3 Юрчак А. Гетерохрония: Застой и бесконечность на границе советской истории // Это было навсегда, 1968–1985. Каталог выставки. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2020. С. 92–97.
 - 4 Remington T. Common Knowledge: Soviet Political Studies and the Problem of System Stability // Beyond Soviet Studies / Ed. by Orlovsky D. Washington DC: Woodrow Wilson Center Press, 1995. P. 159.

ка, в которой их можно представить и описать, возникает только постфактум. Такие переломы происходят реже и хуже изучены, но именно они, как правило, ведут к наиболее глубоким историческим сдвигам. Распад Советского Союза был переломом второго типа.

Разные темпоральные режимы по-разному очерчивают границы мыслимого. В позднесоветском случае система воспринималась как бесконечная, и именно поэтому ее внезапный конец был немислим. Сегодняшний темпоральный режим воспроизводит структурные условия, при которых вновь может назреть именно неожиданный исторический перелом — перелом второго типа. Но происходит это по другим причинам. Сегодня мы живем в эпоху множества конкурирующих образов будущего, ни один из которых не кристаллизуется в общую для всех систему координат — в единый горизонт. Показательный пример — климатический кризис: сценарии его развития множатся десятилетиями, однако не складываются ни в единое коллективное понимание происходящего, ни в устойчивую темпоральную ориентацию, способную стать основой общих скоординированных действий. Дело не в том, что будущее неизвестно — необходимые знания по поводу климатических процессов есть, — а в том, что не существует общего горизонта, внутри которого эти знания могли бы оформиться в совместное видение и организованный ответ.

Возникает закономерный вопрос: не повышает ли множество конкурирующих образов будущего шансы вовремя заметить угрозу — чем больше взглядов, тем выше вероятность, что кто-то ее разглядит. Это верно на уровне отдельных наблюдений. Но обнаружить угрозу и выработать на нее общий ответ — не одно и то же. Без институциональных механизмов, позволяющих свести разрозненные наблюдения в общее понимание и удержать внимание достаточно долго для скоординированных действий, множество образов будущего превращается в шум: оно порождает краткосрочные волны внимания, а не устойчивые коллективные ориентиры и действия.

Фрагментация темпорального горизонта сегодня ведет к возникновению слепых зон: назревающие переломы остаются немислимыми не потому, что будущее скрыто, а потому что отсутствует общая темпоральная почва, на которой могли бы возникнуть совместное осмысление происходящего и скоординированный ответ на него. Если в советском случае перелом был немислим потому, что система казалась вечной, то сегодня он немислим потому, что горизонт будущего фрагментирован.

Механизмы разные, но результат похожий — фрагментация превращает будущее во множество разрозненных образов, не связанных общими институциональными рамками, внутри которых они могли бы быть осмыслены сообща. В отсутствие таких рамок отдельные свидетельства угроз и надвигающихся переломов остаются локальными — они замечаются, но не складываются в общее понимание и не вызывают скоординированного ответа. Именно поэтому крупные структурные изменения последних лет часто было не представить до того момента, когда они произошли.

Исчезновение общего горизонта

Чтобы понять, как именно это происходит, рассмотрим темпоральный режим сегодняшнего момента подробнее. Советские люди жили внутри общего гори-

зонта будущего, не обращая на него внимания. Сегодня горизонт раздроблен на множество образов будущего, каждый из которых борется за место в центре нашего внимания. Мы окружены технологическими утопиями (искусственный интеллект, роботизация, постгуманизм), катастрофическими сценариями (климатический коллапс, эрозия демократии, неоимпериалистические войны) и рыночными моделями будущего (финансовые спекуляции, кредитные циклы, расчеты рисков). Они отличаются содержанием, но имеют общую форму: каждый существует как конкретный объект внимания — активно продвигается, обсуждается, эмоционально окрашивается и быстро сменяется следующим. Сегодня в центре внимания климатический коллапс, завтра — геополитический кризис, послезавтра — новый прорыв в области искусственного интеллекта. Дробясь, множась и ускоряясь, эти образы будущего не способны объединиться в единый устойчивый горизонт⁵.

Последствия этого состояния ощущаются в индивидуальном опыте. Когда будущее перестает быть общим горизонтом и превращается в набор раздробленных объектов, конкурирующих за внимание, результатом становится темпоральная дезориентация. Она проявляется в ощущении, что время одновременно ускорилося и утратило содержание: события происходят все быстрее, но не складываются в ощущение общего направления. Одним из симптомов этой дезориентации сегодня является так называемая хроническая тревога (*chronic anxiety*) — не тревога по поводу конкретной угрозы, а размытое беспокойство о своем положении на временной траектории жизни. Другим симптомом является выгорание (*burnout*): не усталость от конкретных нагрузок, а истощение от того, что снова и снова вкладываешься в ориентиры, которые исчезают прежде, чем успевают стать устойчивым горизонтом. Еще один симптом — так называемое темпоральное головокружение (*temporal vertigo*) — утрата устойчивой темпоральной почвы, связывающей настоящее с прошлым и будущим, а человека — с другими людьми. Показательно, что эти симптомы обычно трактуются как индивидуальные проблемы — недостаток психологической устойчивости, синдром дефицита внимания, неразвитая самоорганизация, — тогда как их следует понимать, по крайней мере частично, как структурное следствие общего темпорального состояния. Единый горизонт будущего исчез не для кого-то одного — он исчез для всех⁶.

Простой пример помогает прояснить эту мысль. Бумажная карта задает общий горизонт: даже глядя на конкретный маршрут, мы воспринимаем карту как целое и знаем, где находимся по отношению к нему. GPS-навигатор для автомобиля работает иначе: он фокусируется на следующем повороте, убирая более ши-

5 То, что Франсуа Артог описал как «презентизм» — расширение настоящего, — отчасти схватывает этот сдвиг: *Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time / Trans. by Saskia Brown. New York: Columbia University Press, 2015.* Однако сегодня речь идет не только о расширении настоящего, как утверждает Артог, но и о превращении будущего в непрерывно множащееся поле конкурирующих объектов внимания.

6 О социальном ускорении, порождающем особую форму дезориентации, при которой темп изменений опережает способность формировать устойчивые ориентации, см.: *Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2013.* Об аффективном измерении этого состояния — в частности, об истощении от повторяющихся усилий, вкладываемых в ориентиры, которые исчезают прежде, чем успевают укорениться, — см.: *Berlant L. Cruel Optimism. Durham: Duke University Press, 2011.*

рокую рамку ориентации. Отчасти это объясняется скоростью движения — чем быстрее едешь, тем труднее удержать в поле зрения общую картину. Но дело не только в скорости. В общественном транспорте люди тоже движутся быстро — но по общему маршруту, с общими остановками, в общем темпоральном режиме. GPS-навигатор индивидуализирует движение: каждый оптимизирует собственную траекторию, сосредотачиваясь на своем следующем повороте и утрачивая из виду то, куда движутся другие. Индивидуализация траектории — в сочетании со скоростью движения по ней — делает общий горизонт недоступным не потому, что он исчез, а потому, что каждый заперт в собственном маршруте и лишен общей рамки, внутри которой можно было бы сориентироваться вместе с другими. Общая дорога не означает общего маршрута: соседи по шоссе едут к разным целям, каждый со своим навигатором. Хотя в принципе можно изменить масштаб и посмотреть на всю карту, это не обычный способ пользоваться навигатором — для этого нужно намеренно выйти из режима быстрого движения. Нечто похожее характеризует темпоральность сегодняшнего момента: мы быстро переходим от одного насущного события к другому — от прогноза к кризису, от кризиса к проекту, — но остаемся дезориентированы по отношению к общему целому. Нас направляют по траектории, но не ориентируют в пространстве.

Этот контраст отражает подлинную историческую трансформацию — не просто смену представлений о будущем, но размывание темпоральной инфраструктуры, без которой общий горизонт будущего не может возникнуть и удержаться. Обвал государственного социализма, как ни странно, сыграл в этом немаловажную роль. В бывших социалистических странах исчезновение многих государственных и общественных институтов раздробило темпоральную инфраструктуру повседневной жизни. В капиталистических странах исчезновение глобальной социалистической альтернативы ослабило давление в пользу институтов социального государства, ускорив неолиберальную трансформацию. Экспансия финансовых рынков вытеснила долгосрочные коллективные ориентиры краткосрочной логикой прибыли и индивидуализированного риска. Фрагментация медиапространства и развитие алгоритмических систем заменили общие публичные сферы персонализированными информационными потоками, ориентированными на немедленную реакцию. Все эти процессы размыли темпоральную основу коллективной жизни.

Политическое измерение

Описанный контраст между темпоральными режимами имеет не только феноменологическое, но и политическое измерение. В позднем социализме горизонт будущего был распределен относительно равномерно — и в этом смысле был подлинно коллективным. При этом советское общество далеко не было эгалитарным: номенклатура пользовалась привилегиями, недоступными большинству. Но темпоральный горизонт — в отличие от материальных благ — не был привилегией. Разумеется, возможность индивидуального планирования зависела от положения человека в социальной иерархии — у номенклатуры она была шире, чем у большинства. Но базовый темпоральный фон был общим для всех, независимо от места в иерархии и убеждений. Именно поэтому идея общего блага воспринималась как естественный элемент коллективной жизни, а не как предмет политической борьбы. Речь идет о структурном,

а не идеологическом эффекте: общий горизонт создавал фоновое ощущение естественности и необходимости ориентации на общее благо даже у тех, кто относился к системе критически или иронически.

Сегодня будущее не только фрагментировано, но и неравномерно распределено — значительно более неравномерно, чем при позднем социализме. Фрагментация означает, что общий горизонт размыт для всех. А неравномерное распределение означает, что те, кто располагает капиталом, институциональной стабильностью и социальными ресурсами, могут планировать на длительные горизонты — инвестиции, наследство, долгосрочные активы, — тогда как те, кто лишен этих ресурсов, вынуждены ориентироваться на ближайший отрезок: до следующей зарплаты, счета, работы, кризиса.

Два механизма особенно важны для понимания того, как это происходит. На финансовых рынках будущее превращается в объект торговли еще до того, как оно наступит: «фьючерсы» — контракты, фиксирующие будущую цену товара или ценной бумаги, — покупаются и продаются уже сегодня. Эта логика распространяется все шире: на так называемых рынках предсказаний (*prediction markets*), таких как *Polymarket* и *Kalshi*, в объекты торговли превращаются уже не цены на товары, а исходы выборов, геополитических кризисов и социальных событий. Будущее становится товаром не только в экономическом, но и в политическом смысле. Темпоральная логика капитала, включающая квартальные отчеты, долговые циклы, кредитные рейтинги, расчеты рисков, усиливает этот процесс, заменяя долгосрочную ориентацию краткосрочными решениями. Даже там, где капитализм допускает длительное планирование — пенсионные фонды, наследственные активы, — оно остается частным и приватизированным, обслуживая индивидуальные траектории, но не создавая общего темпорального горизонта.

В алгоритмических системах будущее тоже появляется в виде персонализированных прогнозов и рекомендаций, рассчитанных на немедленную реакцию. Алгоритмы способны создавать кратковременные волны коллективного внимания и организованной мобилизации — как во время многих массовых протестов последних лет, — но не устойчивый общий горизонт. Мобилизация схлопывается, как только алгоритмическая поддержка ослабевает или меняет направление. В итоге все эти механизмы — финансовые рынки, рынки предсказаний, алгоритмически организованные информационные потоки — объединяет одно: они переключают внимание с долгосрочной общей ориентации на краткосрочные индивидуальные решения. Будущее перестает организовывать пространство коллективной жизни и превращается в набор дискретных индивидуальных продуктов, продаваемых и потребляемых уже сегодня.

Такая фрагментация — это не только технический или культурный феномен; у нее есть экономическая основа, которая ее усиливает. Арджун Аппадурай показал, что способность строить жизненные планы и устремляться к будущему распределена неравномерно, — она структурирована неравенством, а не дана каждому изначально⁷. Те, кто рождается в бедности, нестабильности или в маргинализированных сообществах, выстраивают структурно ограниченные отношения с будущим: доступные им горизонты короче и менее

7 Appadurai A. The Capacity to Aspire: Culture and the Terms of Recognition // Culture and Public Action / Ed. by V. Rao and M. Walton. Stanford: Stanford University Press, 2004.

устойчивы, чем у тех, кто располагает привилегиями. Это верное наблюдение, но оно все еще предполагает наличие общего темпорального горизонта, внутри которого устремления вообще возможны. Сегодня изменилось нечто более фундаментальное: общий темпоральный горизонт оказался размытым. Результатом является не просто неравный доступ к будущему, о котором писал Аппадурай, но, что важнее, размывание понятия общего блага вообще, без которого коллективное политическое воображение попросту невозможно.

Все это порождает не только темпоральную дезориентацию, описанную выше, но и углубление темпорального неравенства. Те, кто располагает ресурсами, могут компенсировать исчезновение общего горизонта за счет частного долгосрочного планирования. Те, кто лишен таких ресурсов, теряют и общий горизонт, и возможность индивидуального планирования одновременно. Темпоральное неравенство накладывается на социальное и экономическое, усугубляя его. Именно в этих условиях нарастающей темпоральной дезориентации, фрагментации и неравенства возникают радикальные попытки восстановить утраченный единый горизонт — прежде всего со стороны авторитарных и националистических режимов.

Авторитарные ответы

Притягательность таких попыток реальна: они отвечают на подлинное желание вернуть ощущение единого времени и направления. Показательный пример — движение *Make America Great Again* (MAGA), предлагающее общее будущее, смоделированное по образцу воображаемого прошлого. Трамп не просит своих сторонников планировать будущее — он предлагает им вспомнить, или представить, будто они вспомнили, нечто объединявшее их прежде. Родственным проектом является представление России как «государства-цивилизации», чей цивилизационный код уходит корнями в мифическое прошлое и существует вне исторического времени. Схожую темпоральную логику воспроизводят цивилизационные проекты в Индии и Китае: каждый из них конструирует вне-исторического коллективного субъекта, укорененного в глубоком прошлом и предлагаемого в качестве ответа на дезориентацию, о которой сказано выше.

Однако все эти проекты сталкиваются с одной структурной проблемой: обещая восстановить общий темпоральный горизонт, они ограничивают будущее прошлым, описывая его как уже известное. Но, как писал Райнхарт Козеллек, темпоральный горизонт способен организовывать настоящее только при условии, что будущее в нем остается открытым и является структурной границей между уже известным и пока неизвестным⁸. Именно эти открытость и незавершенность придают горизонту будущего ориентирующую силу. Если будущее строится как известное прошлое, оно не организует движение, а останавливает его.

8 О будущем как темпоральном горизонте, организующем опыт настоящего, см.: Koselleck R. *Space of Experience and Horizon of Expectation* // *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press, 2004.

Такое понимание горизонта — не как объекта в поле восприятия, а как его организующего фона — восходит к феноменологической традиции: см. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception* / Trans. by Donald Landes. London: Routledge, 2012 [1945].

Это не означает, что подобные проекты лишены подлинной поддержки. У них немало сторонников, глубоко и искренне с ними связанных. Но идентифицировать себя с проектом — не то же самое, что существовать внутри общего темпорального горизонта. Первое разделяет общество, сталкивая одних с другими; второе создает общую темпоральную почву, которая остается открытой для разных форм жизни и при этом направлена вперед, а не назад.

Описывая современную неспособность представить альтернативы капитализму, Марк Фишер назвал ее «капиталистическим реализмом»⁹. Термин был выбран неслучайно: он отсылает к социалистическому реализму — художественно-идеологическому методу, который не просто описывал советскую реальность, но и отождествлялся с ней, закрывая возможность альтернативных представлений о мире. По аналогии «капиталистический реализм» — это идеологический режим, в котором капитализм воспринимается не как одна из исторических формаций, а как естественное и единственно возможное устройство мира. Однако сегодня проблема стоит шире, чем то, о чем писал Фишер, — речь уже идет не только об ограниченности коллективного воображения, но об исчезновении общего темпорального горизонта, внутри которого такое воображение вообще возможно. Рыночные демократии дробят будущее на конкурирующие фрагменты; авторитарные режимы закрывают его, перенаправляя в прошлое. Мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда механизмы разные, а результат, по существу, один: и те и другие размывают общий горизонт будущего и тем самым подрывают основу коллективной политической жизни.

Что возможно?

Иметь общий темпоральный горизонт не означает жить в условиях уравниловки, тоталитаризма или несвободы. Напротив, это означает располагать общей почвой, на которой возможны как индивидуальная свобода, так и коллективное действие, — в отличие от ситуации, когда эту почву приходится непрерывно создавать заново. Когда существует единый горизонт будущего, он ориентирует всех, не требуя к себе постоянного внимания, — подобно тому, как общий язык делает возможным разговор, не требуя от говорящих задумываться о грамматике. Когда же единого горизонта нет, огромная часть энергии уходит не на само коллективное действие, а на воссоздание почвы, без которой такое действие невозможно: политическое движение вынуждено мобилизоваться вокруг каждого нового события вместо того, чтобы опираться на устойчивое общее направление; социальная инициатива вынуждена вновь и вновь обосновывать свое существование и зависеть от циклов поддержки и финансирования; новое поколение вынуждено отстаивать с нуля то, что предыдущие воспринимали как данность.

Позднесоветский пример показывает, что единый горизонт будущего может организовывать жизнь даже тогда, когда буквальный смысл заявленного будущего давно утрачен. Коммунистическое будущее почти никем не воспринималось буквально и тем не менее обеспечивало темпоральный фон, внутри которого — вопреки репрессивности системы и официальным ограничени-

9 Fisher M. Capitalist Realism: Is There No Alternative? London: Zero Books, 2009.

ям — возникало реальное многообразие форм жизни, отношений и культурных практик. Горизонт более не предписывал единого пути и не требовал от людей ни искренней веры, ни активной вовлеченности. Но он создавал общую темпоральную почву, на которой люди могли существовать по-разному. Именно в этом смысле позднесоветский случай представляет аналитический интерес: не как образец для подражания, а как свидетельство того, что общая темпоральная инфраструктура и многообразие форм жизни не исключают, а предполагают друг друга.

Это не ностальгическое утверждение о достоинствах позднесоветского режима, а структурное наблюдение — институты способны создавать темпоральный горизонт независимо от того, какую политическую форму они принимают, и независимо от того, насколько свободным или несвободным является общество, в котором они существуют. Позднесоветский случай интересен именно потому, что демонстрирует эту функцию в условиях, далеких от политической свободы.

Если единый темпоральный горизонт необходим, какими чертами он должен обладать? Во-первых, он должен быть направлен в будущее, а не на возврат в прошлое: горизонт, закрытый для непредсказуемого будущего, не организует движение, а останавливает его. Во-вторых, он должен быть подлинно общим — создавая условия для всех, независимо от политической позиции, социального положения или доступа к ресурсам: горизонт, объединяющий одних против других, работает не как организующий фон, а как линия фронта. В-третьих, он должен иметь устойчивую институциональную основу — в форме закона, публичных институтов, системы образования, гарантий жилья, долгосрочных коллективных обязательств. То, что требует постоянных митингов, деклараций и кампаний, чтобы не угаснуть, не способно стать фоновой инфраструктурой. В-четвертых, он должен быть межпоколенческим — создавать ориентацию на будущее, которое переживет нынешних участников, не завися от каждого избирательного цикла, финансового квартала или алгоритмического обновления.

Что может стать основой для появления такого горизонта сегодня? Экологический кризис, реконструкция публичных институтов, какое-то историческое событие? На этот вопрос настоящее эссе ответить не может. Но, как напоминает нам позднесоветский опыт, такой горизонт требует не энтузиазма или идеологической веры, а институционального присутствия — он должен быть встроен в структуры повседневной жизни и открыт для всех, а не только для тех, кто разделяет определенные убеждения или имеет достаточно средств. Иными словами, проблема сегодня не в недостатке образов будущего — таких образов в избытке. Проблема в том, что исчезли условия, при которых будущее способно работать как общий организующий горизонт. Именно это — а не содержание наших представлений о будущем — и является сегодня главным вопросом.

Библиография / References

- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- (Iurchak A. Eto bylo navsegda, пока не konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie. Moscow, 2014.)
- Юрчак А. Гетерохрония: Застой и бесконечность на границе советской истории // Это было навсегда, 1968–1985. Каталог выставки. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2020. С. 92–97.
- (Iurchak A. Geterokhroniia: Zastoi i beskonechnost' na granitse sovetskoi istorii // Eto bylo navsegda, 1968–1985. Katalog vystavki. Moscow, 2020. P. 92–97.)
- Appadurai A. The Capacity to Aspire: Culture and the Terms of Recognition // Culture and Public Action / Ed. by V. Rao and M. Walton. Stanford: Stanford University Press, 2004.
- Berlant L. Cruel Optimism. Durham: Duke University Press, 2011.
- Fisher M. Capitalist Realism: Is There No Alternative? London: Zero Books, 2009.
- Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time / Trans. by Saskia Brown. New York: Columbia University Press, 2015.
- Koselleck R. Space of Experience and Horizon of Expectation // Futures Past: On the Semantics of Historical Time. New York: Columbia University Press, 2004.
- Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception / Trans. by Donald Landes. London: Routledge, 2012 [1945].
- Remington T. Common Knowledge: Soviet Political Studies and the Problem of System Stability // Beyond Soviet Studies / Ed. by Orlovsky D. Washington DC: Woodrow Wilson Center Press, 1995. P. 159–192.
- Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2013.
- Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2005.